

EX LIBRIS

№ 1
СЕНТЯБРЬ '89

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, ИЗДАЁТСЯ ЛГЕНСТВОМ "БЕЛСТАР."

ФИЛОСОФИЯ ∞ ПСИХОЛОГИЯ ∞ ЛИТЕРАТУРА
ФИЛОСОФИЯ

А. Шопенгауэр⁺ ЭРИСТИКА ИЛИ ИСКУССТВО СПОРИТЬ.

Предисловие. /Кн. Цертелев/

Часто случается слышать мысли о совершенной бесполезности споров, что не мешает обыкновенно даже сторонникам этого мнения вступать в горячие споры, хотя бы относительно самой этой бесполезности. Не спорят только тогда, когда не встречают противоречия или не интересуются данным вопросом.

Если бы в споре всегда выяснилась истина и победа оставалась за правым, спор был бы нравственной обязанностью каждого человека. В действительности это не так, и победа далеко не всегда обуславливается правотой защищаемого мнения; большую часть роль играет искусство и знания защитника. Но если нельзя всегда сказать в таком смысле *disces des opinions jactit ea veritate*, и в большинстве случаев кто бы ни был прав, каждый остается при своем мнении, это не должно мешать нам признать несомненную пользу споров, веденных серьезно и добросовестно, пользу, состоящую в том, что спорящие неизбежно должны шире и разностороннее относиться к предмету, так что нередко открываются перед ними также стороны предмета, которые ускользнули бы от них, если бы каждый ограничился одиноким изучением вопроса.

Но для того, чтобы спор имел положительное значение, чтобы он велся сколько-нибудь правильно с соблюдением основных логических требований, а не переходил в голословные утверждения и голословные отрицания, сопровождаемыми нападками на личность противника; в противном случае спор окажется не только бесполезной, но и вредной тратой времени, возбуждающей лишь мелкие страсти спорящих.

Какое громадное значение имели логика и диалектика в древнем мире, можно видеть из диалогов Платона и в логических исследованиях Аристотеля.

Едва ли не еще большее значение получает изучение логики в течении средних веков, но здесь оно на-

правляется почти исключительно на внешнюю формальную сторону мышления, скованная внешней формой, лишенная самостоятельного содержания, средневековая схоластика терзается в подробностях, не имеющих интереса для людей, стоящих вне ее заколдованного круга.

Отсюда понятна реакция на нее в новой философии, выставившая Лейбница выбросить за борт, как бесполезно, логически формулы, неслепые со времен Аристотели, чтобы заменить их несколькими основополагающими и простыми принципами. Однако уже Лейбниц жалует на то, что пренебрежения к формальной логике идет слишком далеко и указывает на то, что многие споры не оставались бы столь бесплодными, если бы только противники дали себе труд обратить их в формальные аргументы.

Несмотря на это, логика, как систематическое мышление и аргументация, все более вытесняется так называемой "логикой фактов", которая гораздо доступнее и привлекательней, так как почти всегда состоит лишь в более или менее искусном подборе фактов, из которых каждый выводит затем что ему вдумается, а т.к. то же самое и с тем же успехом может сделать его противник, то спор и сводится на такую почву, где доказать ничего невозможно и где каждый, если не может рассчитывать на победу, по крайней мере совершенно застрахован от поражения.

Только в одной сфере современной жизни сохранилось еще требование более или менее строгой логической формы, а именно в суде. В сущности, каждый процесс есть силлогизм, в котором одна посылка дана законом, а другая должна содержаться в объективной фактической стороне суда — найти строгие термины, которые не допускают простодушности заблуждения, т.е. предположения или заблуждения.

К сожалению, условия и цель судебного красноречия вообще, и современного в особенности, превращают обыкновенно диалектику, необходимую для освещения истины, в софистику, преследующую совершенно посторонние цели.

* А. Шопенгауэр, "Эристика или искусство спорить", перевод кн. Д. Цертелева, С.-ПЕТЕРБУРГ, типография Стасюлевича, 1893 г.

Но если отвлечённые диалектические тонкости, занимавшие древних Греков, потеряли, по-видимому, всякий интерес в глазах современного общества — оно не перестаёт, однако, то и дело бессознательно пользоваться ими в спорах. Вот почему Эристика Шопенгауэра, представляющая в сжатой и относительно доступной форме некоторые из диалектических приёмов, не лишена и для нашей публики интереса, несмотря на то, что как сочинение посмертное, она не вполне отделана, содержит в себе некоторые повторения и, вообще, не носит характера той художественной законченности, которыми отличаются другие труды Шопенгауэра. Но как справедливо замечает Фрауэнштедт, "Эристика" имеет значение в том отношении, что она открывает сторону человеческой природы, хотя и не похвальную, но такую, которая играет, однако, немаловажную роль в духовном взаимодействии людей и которую надо знать, чтобы защищаться против неё. Всем тем, кого их призвание или общественное положение приводит в столкновение со стремлением казаться правыми во что бы то ни стало, полезно будет узнать те стереотипные хитрости и уловки, которыми пользуется это стремление и средства для отражения его.

Манускрипт "Эристика", напечатанный Фрауэнштедтом вскоре после смерти Шопенгауэра, вместе с некоторыми другими статьями, по мнению издателя, относится к 1820 г. Позднее, когда Шопенгауэр вздумал пересмотреть эту работу, он уже не нашёл нужного настроения, чтобы довести её до конца.

Кн. Д. Цертелев.

I

Эристика.

Логика и диалектика употреблялись уже древними как синонимы, хотя, *λογισεσθαι* обдумывать, обсуждать, рассчитывать и *διαλεγεσθαι* разговаривать, вещи весьма различные.

Это употребление слов логики и диалектики как синонимов сохранилось и в течение средних веков и дошло до нашего времени. Однако в новые времена, особенно Кант, часто употребляли слова диалектика в дурном смысле, как "софистическое искусство спора" и потому предпочитали название логики как более невинное. Но оба в сущности означают одно и то же, и в последние годы их опять уже стали считать синонимами.

Говорят, что диалектика и логика издавна употреблялись как синонимы, и потому я не вполне свободен и не могу разделить, как хотелось бы, их значение и определить логику как "науку о законах мышления, т. е. способах действия разума" /от *λογισεσθαι* обдумывать, рассчитывать, происходящего в свою очередь от *λογος*, разум или слово — понятий неразрывно связанных / и диалектику как искусство спорить и беседовать. Но каждая беседа состоит в сообщении фактов или мнений, т. е. бывает исторической, или же представляет собой обсуждение чего-либо. Таким образом, очевидно, что логика имеет предмет данный вполне *apriori*, безо всякой эмпирической примеси — законы мышления, способ действия разума — законы, которыми разум следует предоставленный самому себе,

когда ему ничто не мешает, следовательно, при одиноком мышлении разумного существа, которое ничем не вводится в заблуждение. Диалектика, напротив того, рассматривала бы совместную деятельность двух разумных существ, которые думают вместе, а отсюда неизменно следует спор, т. е. духовная борьба, если только они не согласны между собой, как выверенные часы. Как чистый разум, оба индивида должны бы быть согласны; их разногласие зависит от различий, присущих индивидуальности, а потому есть элемент эмпирический.

Человеку свойственно при совместном мышлении *διαλεγεσθαι*; т. е. как только при обмене мнений /за исключением разговоров на исторические темы / узнает, что мысли другого отличны от его собственных о том же предмете, он сначала не проверяет собственного мышления, чтобы найти в нем ошибку, а предполагает ее в мышлении другого, т. е. человек по природе своей хочет всегда быть правым; тому же, что вытекает из этого свойства, учит отрасль науки, которую я хотел бы назвать диалектикой, но которую во избежание недоразумений, назову эристической диалектикой. Она, таким образом, есть учение о стремлении человека всегда казаться правым. "Эристика" была бы только более жёстким названием того же предмета.

Эристическая диалектика есть искусство спорить и спорить так, чтобы всегда оставаться правым, след, *per fas et nefas*. В сущности, объективная истина спорного положения и сила его в глазах спорящих и слушающих вещи различные; эристическая диалектика зиждется на последней.

Если бы не было зла в человеческой природе, если мы были вполне честны при всяком разноречии, мы стремились бы только к тому, чтобы обнаружить истину, не заботясь о том, окажется ли она на стороне нашего мнения, выставленного противником, или же нами самим. Это было бы безразлично для нас или, по крайней мере, имело бы совершенно второстепенное значение. Теперь, наоборот, это главное. Врожденное тщеславие, особенно относительно всего, что касается сил рассудка, не хочет допустить, чтобы то, что мы утверждали первоначально, было ошибочно, а то, что утверждает противник, верно.

Ввиду этого каждому следовало бы только не судить иначе как правильно, а для этого сначала думать, а потом говорить. Но к врожденному тщеславию у большинства присоединяется болтливость и врожденная недобросовестность. Они говорят не подумавши и хотя бы потом и заметили, что утверждение их ложно и что они не правы — они хотят, чтобы казалось наоборот. Интерес к истине, который в большинстве случаев был единственным мотивом при выставлении положения, казавшегося истинным, совершенно уступает место интересу тщеславия: истинное должно казаться ложным, а ложное истинным.

Однако, даже эта недобросовестность, упорное отстаивание положения, которое нам самим уже кажется ложным, имеет некоторое оправдание. Именно, в начале спора мы нередко бываем глубоко убеждены в истинности своего мнения, и только впоследствии обнаруживаем, что мы неправы.

тине нашего утверждения, но аргумент противника, по-видимому, совершенно опрокидывает его; если мы сразу откажемся от нашего утверждения, нам часто случается убедиться позднее, что мы всё-таки были правы: доказательство наше было ошибочно; но для того же утверждения могло быть другое, более верное доказательство; спасающий аргумент не пришёл нам в голову сразу. Таким образом в нас складывается правило спорить против возражений, хотя бы они казались нам правильными и убедительными в той уверенности, что сама правильность их только кажу́щаяся и что в течение спора мы наладим ещё на такой довод, который как-нибудь иначе установит истину нашего положения; благодаря этому, мы, если не вынуждены к некоторой недобросовестности в споре, то, по крайней мере, легко соблазняемся ею. Так взаимно поддерживают друг друга слабость нашего суждения и извращённость нашей воли. Осюда происходит то, что спорящий обыкновенно сражается не за истину, а за своё положение как *pro ara et focis*, и ведёт дело *per fas et nefas* и, как сказано, не легко может действовать иначе.

.....
Легко сказать, что надо стремиться только к истине безо всякого пристрастия к своему положению; но нельзя предполагать, чтоб и другой сделал то же, а потому нельзя этого сделать самому.

Вспомогательные средства для проведения своего положения каждому даёт в некоторой мере его собственная ловкость и негодность. Этому научает повседневный опыт, так что каждый имеет свою натуральную диалектику, так же, как он имеет свою натуральную логику. Только первая не так надёжна, как вторая. Редко мыслят и заключают вопреки логическим законам; ошибочные суждения часты, ошибочные заключения чрезвычайно редки; поэтому в человеке редко проявляется недостаток в естественной логике, но ему часто не хватает естественной диалектики, это дар природы неравномерно распределённый/в этом отношении диалектика похожа на силу суждения, которая распределяется весьма неравномерно, тогда как разум, собственно говоря, распределён равномерно; часто случается что кажу́щаяся аргументация бывает и опровергает в сущности правых и, наоборот, тот, кто выходит из спора победителем обязан этому не столько правильности своего суждения, сколько искусству и ловкости с которыми он защищал их. Врождённое здесь, как и везде, наилучшее. Однако, упражнение и размышление над теми приёмами, которые опровергают противника или которыми он пользуется для победы, может много помочь в достижении мастерства в этом искусстве....

Итак, главная задача научной диалектики в нашем смысле состоит в изложении и анализе искусственных приёмов при недобросовестном споре, а именно того, чтобы в спорах серьёзных возможно было бы сдержать и уничтожить их. Именно поэтому её изложением последней целью её заведомо должно быть содержание не только в споре, а не объективная истина.

Мне не известно, чтобы в этом смысле было

что-нибудь сделано, хотя я озирался далеко кругом. Итак, это - необработанное поле. Чтобы достигнуть цели, надо было черпать из опыта, наблюдать как применяется тот или иной приём в спорах, часто происходящих на практике, затем сводить повторяющееся в разных формах к общему и таким образом выставить не которые общие хитрости, которые могли бы служить затем как для собственного употребления, так и для отражения их когда ими пользуется другой.

Пусть смотрят на следующие страницы, как на первый опыт этого рода.

ОСНОВАНИЕ ВСЯКОГО ДИАЛЕКТИКИ

В каждом споре, все равно будет ли он публичный как в академической аудитории и судах, или же обыкновенных разговорах, существенное состоит в следующем.

Выставляется тезис, который должен быть опровергнут; для этого есть два модуса и два пути.

1. Модусы бывают *ad rem ad hominem* или *ex concessis*. Только посредством первого мы опровергаем абсолютную или объективную истину тезиса, показывая, что он не согласен с действительными свойствами предмета, о котором идёт речь; посредством второго мы опровергаем только его относительную истину, показывая, что он противоречит другим утверждениям или допущениям защитника тезиса, или же обнаруживаем несостоятельность его аргументов, причём объективная истина дела остаётся в сущности нерешённой. Например, если во время спора о философских или естественно-научных предметах противник/который для этого должен быть англичанином/ позволяет себе приводить библейские аргументы, мы вправе опровергать его такими же аргументами, хотя это только аргументы *ad hominem*, но решающие дела по существу. Это похоже на уплату кому-нибудь долга бумажными деньгами, которые от него же получены. Во многих случаях такого рода можно бы даже сравнить с представлением на суде подложного обязательства, на которое ответчик со своей стороны отвечает подложной квитанцией, несмотря на то, что заем мог существовать в действительности.

Так же как в последнем случае аргументация только *ad hominem* имеет преимущество краткости, так как весьма часто в обоих случаях истинное и основательное рассмотрение дела было бы чрезвычайно длинно и затруднительно.

2. Что касается способа, то он бывает или прямой или косвенный: первый нападает на основание тезиса, второй на его последствия; один доказывает, что он неверен, другой - что он не может быть верным. Рассмотрим их подробнее.

Продолжение следует.

От редакции. "Продолжение следует" означает не только то, что в очередных номерах "ЖУРНАЛА" мы продолжим знакомство с наукой нечестно спорить, но и то, что мы надеемся напечатать и другие произведения А. Шопенгауэра. В частности, это будут выдержки из книги "Афоризмы и максимы".

- У вас на пасху стоят со свечами?

- Да.

- Со свечами идут потом вокруг церкви, по улице? И несут иконы?

- Да. Да.

- Пожалуйста, возьмите меня с собой. Это так красиво. Я слышала ещё в детстве, в Митаве.

Так просилась у нас бонна взять её к православному торжеству. И вспомнил я своё детство, в Костроме. Бывало выбежишь во двор и обведёшь вокруг глазами: нет, всё черно в воздухе, ещё ни один огонёк не зажётся на колокольнях окрестных церквей! Переждёшь время - и опять выйдешь. - "Начинается." Вот появились два - три - шесть - десять, больше, больше и больше огоньков, на высокой колокольне Покровской церкви; оглянулся назад - горит Козьмы и Дамиана церковь; направо - зажигается церковь Алексия Божия человека. И так хорошо станет на душе. Войдёшь в тёплую комнату. А тут на чистой скатерти под салфетками, благоухают кулич, пасха и красные яички. Поднесёшь нос к куличу/ребёнком был/ - райский запах. "Ах как хорошо всё! И как хорошо, что есть вера, и как хорошо, что она - с куличами, пасхой, яйцами, с горящими на колокольнях площадками, а в конце концов - и с нашей мамашей, которая теперь одевается к заутрене, и с братишками, и с сестрёнками, и с своим домиком". У нас был свой домик. И вот всё это вспоминаешь вместе и нераздельно.

Что же, разве это иллюзия? Вот теперь я взрослый. Сколько с тех пор передумал! И так же пойду к заутренне. И так же зажгу от соседней свечи свою свечу. Как это хорошо, что в церкви все мы братья. И пойдём вместе за хоругвями, придерживая ладони огонь свечи от дуновений ветра. И будем слушать поение. Да, как хороша религия в звуках, в красках, в движениях, с иконами, с большими непременно иконами, в золотых ризах, а ещё лучше - в жемчужных, как в Успенском соборе в Москве, и с огнями. И пусть огни будут в руках, перед образами, на улице, особенно на колокольнях...

Если бы, я думаю, с облака посмотреть в эту ночь на землю - вдруг представилось бы, что небо упало на землю, но упало и не разбилось, а продолжает пылать звёздами. Может быть бесы и смотрят на землю в Пасхальную ночь, смотрят и злятся, что люди не забыли своего Бога, что они сумели свести на землю небо. Да, огни в религии, лампады и свечи я думаю, имеют в основании эту идею, эту мечту или философскую догадку: "попробуем устроить на земле, как на небе", "яко же на небеси - и на земле". И ведь посмотрите, какая ответственная связь души с огнём: зажглись огоньки в храме - и храм, дотоле холодный и внешний, согрелся. Войдите в храм днём, не во время службы, без свеч и лампад - и вы увидите

те только архитектуру и живопись, вы не будете в нём молиться, вы не сумеете в нём молиться. Сколько раз это впечатление я испытывал, осматривая знаменитые церкви во внеслужебное время. Но я продолжу о связи души с огнём: Пасхальная ночь вся и чудна обилием огней уже не только внутри храма, но и снаружи его, по карнизам, по окнам, а наконец даже и по улицам/горящие площадки/. И как хорошо это движение народа с горящими свечами в воздухе, под открытым небом: может быть у себя вы не замечаете но если неподалёку есть другая церковь, и вы, или с крестным ходом вокруг своей церкви, увидите издали другую народную толпу, идущую со свечками же вокруг тамошней церкви - вы удивитесь. "О, на этот день мы все братья и все одинаково поступаем"...

В эту минуту, как я пишу, у меня мир в сердце - и века и народы сдвигаются в него без разделения и вражды. Я думаю о благородном человеке, который никогда не хотел встать без религии. Всё он любил и не любил. Но религию он только любил, кроме минутных пароксизмов цивилизованной одичалости. Но Господь с ними, с этими пароксизмами, и им я не хочу говорить сейчас упрёка. Прекрасна картина всемирная, как человек на разных концах земли, человек-дикий, человек-ребёнок что-то думает, склонив голову. усиливается, гадает: а когда поднял голову - глаза его сияют и он уже верит. Нет народов без веры. Нет народов без Бога. Много ли, мало ли он о Боге знает, но что есть Бог, с у с е с т в у е т - это он знает. Прекраснейшее из всех знаний, глубочайшее из всех знаний. Но вот что до последней степени трогательно и удивительно: что как только он узнаёт, что есть Бог - он зажигает лампаду или свечу, но вообще - о г о н ь.

И вспомнил на арке Тита, близ Колизея, в Риме, изображения римских воинов, несущих, в числе других трофеев, знаменитый светильник из разрушенного Соломонова храма. И тут, значит - с в е т, о г о н ь. Известно, что светильник имел семь лампад. Днём горела только одна, а ночью, когда в храме никого не было - зажигались все семь. Ясно, что свет нужен был не человеку, но Богу. Вообще нужно различать священный огонь от обыкновенного. Последний рассеивает тьму, освещает место, даёт человеку видеть, что нужно. Он утилитарен. Священный свет вовсе не утилитарен. Он изображает что-то, он волнует человека; он есть какая-то связь человека с Богом. Какая? В чём? Что мы знаем об этом! Мы уже только подражаем чужим светам, более древним. Но древние не рассказали нам, что именно они чувствовали перед тем, как зажечь лампады, какая мысль толкнула их зажечь огни. Но они сделали нечто верное, потому что и мы, зажигая свои лампады, волнуемся священным чувством, хотя опознать и вырастить его не умеем.

РОЗАНОВ

Я думаю - это в точности подражание звезде, звёздам, звёздному небу. Мы все говорим "Бог на небе". Боже, что мы понимаем под этим - никто не умеет выразить. Астрономы разложили небо в созвездия, вычислили с точностью до секунды все там движения; всё исчислили, всё смеряли; всё казалось бы рационализировали, но мы, не слушая их, твёрдо говорим: "Бог - в небе". Да, вот чего астрономы не поняли и не доказали: отчего же звёзды не потухли?

Когда они созданы? "Биллионы веков назад", - по ихнему счёту. Всем известно, что межзвёздные пространства имеют чуть не тысячу градусов холода ниже нуля. Стужа невероятная. И как ни велика каждая звезда, она всё-же пылинка, именно так как видится нам, сравнительно с обтекающим её небесным ледяным пространством. Позвольте, мы глазом своим видим звездо-пылинку, а около неё тем же самым глазом и с того же расстояния видим версты неба. Итак - огнём, пусть в миллион градусов теплоты, пылинка, но положенная /употребим сравнение/ между двух подушек со льдом тоже в миллион градусов холода. Вот отношение. Конечно - пылинка вся излучится, остынет от холода, и даже очень скоро. А если остынет - то умрёт, погаснет. Но небо не умерло, не гаснет! И как при Геродоте и Аристотеле, так и сейчас горит, ни малейше не ослабевая в силе. Это от того, что небо живо и звёзды суть в точности живые существа: ибо мы только единственную знаем температуру не стынущую, сохраняющуюся на одном градусе при всех переменах окружающей среды - например, температуру своего тела в 37°, и вообще температуру живых, живущих, дышащих существ, которая остаётся всё та же, всё равная пока в теле есть жизнь. Таким образом, совершенно невозможно объяснить себе, именно с точки зрения новейшей термодинамики, и вообще, принимая всю науку во внимание - горения звёзд иначе, как через жизнь звёзд, биологическую жизнь звёзд. Нет костра, нет огня, какой угодно силы, величины, какого угодно состава веществ, который в биллион лет "от сотворения мира" /легко сказать!!/ не погас бы. Кроме как если это... просто свет живого существа, свет и блеск и теплота. Мои глаза светят, блестят, имеют температуру 37 градусов вот уже 46 лет; 46 лет не прогорит никакой костёр; зажгите лес и тот сгорит в год. В 46 лет сгорят все леса земного шара. А мой глаз ещё не сгорел. Не очевидно ли, что звёзды суть тоже какие-то "очи" неба, мерцающие, прекрасные, величественные, совершенно не постижимые, но живые! Астрономы смеряли их расстояния - верю; взвесили - верю жэ. Всему верю, всей науке, но и вся наука не ответила и не ответит на вопрос: "что же, однако, такое небо со звёздами". А если я скажу - "бесконечность с очами, тёплая, светлая, живая, святая! для меня святая!!" - то они меня не смогут ничем опровергнуть.

Вот откуда может быть и инстинкт в религии "зажечь огни", "зажечь лампы". И вот отчего огни свеч или лампад на улице, в воздухе сильнее волнуют, чем в здании. Море воздуха и среди его точки огней, пожалуй были первым изображением Бога, первой статуей, первым "образом". Это "как небо". А

"небл" или "в небе", это... "бог", "Бог". Имени моего не знаем. Хотя если бог - Един, то Он должен бы называться собственным, а не нарицательным существительным. Мы знаем только нарицательное, а не собственное, - имя признака, а не название Лица. Слово "бог", "боги" употреблялось везде, и если мы напишем его с большой буквы, всё же выйдет не собственное имя, а древнее нарицательное. В Библии имя Госжие никогда не произносилось; читая Библию, древние обходили имя и, видя четыре буквы, Его обозначающие, выговаривали не их, а другое слово, именно который-нибудь из эпитетов. Таким образом, самое звуко-произношение поллиного и личного, собственного и единственного Имени Божия мало-помалу утратилось, забылось, потерялось во мгле веков; хотя буквенные знаки его и сохранились. Но как в древне-еврейском языке писались только согласные, а гласных не писались и они подразумевались, но, разумеется, тем, кто "знал разуметь", - то теперь вот эти-то гласные буквы в имени Божием никто и не уместит вставить, а посему никто назвать Бога по собственному Его имени и не может. Но это подробность. Я заговорил о небе, звёздах, огнях; приведу самое древнее известие о возжени священны горящих точек на земле. Оно находится у Геродота и относится к Египту, древней стране, которая ранее всех народов образовала важнейшие религиозные представления: о Боге, как о Творце и Промыслителе мира, о бессмертии души и о загробном суде за наши грехи:

"...Во время праздника в Бузирисе/городок в дельте Нила - В.Р./, после жертвоприношения, все мужчины и женщины, в числе многих десятков тысяч, сокрушаются в слезах; по ком они сокрушаются - грешно было бы говорить"/как и у евреев - имя не названо/... "А на праздничном собрании в городе Саисе все участвующие зажигают в одну из ночей множество лампад под открытым небом, вокруг дома, причём лампадами служат чашки, наполненные солью и маслом; сверху плавает светильня. Лампады горят целую ночь, и самый праздник называется возжением Лампад. Те из египтян, которые не попадают на торжество, всё-таки соблюдают эту праздничную ночь, и сами возжигают лампы; благодаря этому огни горят не в одном только Саисе, но по целому Египту. Ради чего эта ночь освещается и почитается, объясняется в одном священном сказании"/кн. II, гл. 62/.

Прекрасные дети земли, - столь ранние и столь умные! В чём бы "священное сказание", о котором умалчивает Геродот, ни заключалось, - до чего верен был этот инстинкт: повторить на земле небо, зажечь и от неё "умные очи", которые бы взглянули на небо так, как небо смотрит на землю! Что такое "общение человека с Богом", как ни простирание к Богу рук, которым ответно Бог простирает Свои руки; не смотрение очами... в очи Его? что такое иначе и молитва и Откровение? И как значит хорошо, что огни на зе

мле, как повторение звездного неба, были избраны в символ общения человека с Богом и пронесены в истории на таком неизмеримом пространстве времён, какие от Геродота протекли до сего дня! Лампадки не заглоли, как не умеет гаснуть небо. Огонь, огонь, священный огонь... он вошел во все без какого-нибудь исключения храм, соединил - пусть единственной ниточкой - все религии, связал людей, как братьев: и младенцев на Ниле, и нас, поздних стариков на Неве. Но, будучи последышами, не забудем тех первых детей истории. Они неумелым языком лепетали тоже: "Бог... Промысл... Создатель мира... благой... Святой".

Всё менялось в вере, всё угасало; но не угас огонь, не переменялся; - и также дрожит сейчас перед лицом человека, то угнетённым, то сияющим радостью, в дни всенародных торжеств и в молчании ночи, как это было две тысячи и, может быть, пять тысяч лет назад.

1902.

Из подробностей узнаётся истина. Чем мы убедим других, если и убеждены сами, что русской душе, может быть, близка еврейская душа, или еврейской - русская? Если бы мы и привели в пример материальное благодеяние, нам ответили бы насмешливо: "Этот он благодетельствовал в ожидании процента, наивный вы человек!" "Процент этот задушил всё, зажал всем рты... Айд" - вечный процентщик, и не было у него ни пророков, ни идиллий; уже не бабки его Рахиль и Лия, Ревекка и Сара; и за что "такое проклятое племя" избрал Бог - не постижимо вовсе никому. Вот почему я сохранил через годы, а теперь и печатаю письмо неведомого мне жидка, который рассказал, как он "побежал к русскому мужику делиться чувствами"... надеюсь, вещь совершенно бескорыстная.

Рославль, См. губ., 22/4 1902 года.

Премногоуважаемый Г-н Розанов!

Я не могу не выразить Вам своего глубокого уважения, к Вам - автору статей "Священные огоньки" и "Маленький фельетон". Ручьём потекли слёзы из глаз моих - я умилился, в сердце моём водворились мир и спокойствие. Я с одушевлением читал эту статью перед некоторыми из знакомых - и - увы! меня осмеяли. Господи, Боже мой! Я - горячий приверженец сионизма - и готов во всякое время жертвовать жизнью ради этой идеи - которую я считаю общечеловеческой.

Стоя на краю пропасти, с которой я вот-вот должен упасть вниз и разбиться вдребезги, я бы не ощущал такого горького чувства, как в то время, когда мне называли "Священные огоньки" ерундой... Я пришёл в такое исступление, что готов был побить хоть самого себя. Но счастливая мысль пришла мне в голову: Лойду-ка почитаю простому, но благородному крестьянину. Его чистой душе, пожалуй, больше доступны святые слова... ну и что Вы думаете? Пимен - так зовут крестьянина - пришёл в такой восторг от этой статьи, горячие слёзы закапали из глаз его. Я не

мог не обнять этого милого, чистосердечного старика, и расцеловать его. С совершеннейшим почтением
Хаим-Элья Абрамович Кляцкин.

Ещё чуточку, крошечку - в ответ на этот же больной вопрос о "жиде" и "христианине". От анонима, мне лично и всячески неизвестного, я получил раз толстую книгу, на немецком языке, его умершего друга. У автора письма только-только вот был сожжён стеклянный завод. Настроение особенное, потрясённое. И, как поджигатель был наш русский мужик, то он и высказывает несколько слов о разном отношении к греху-преступлению евреев и христиан. Я уже приводил из "Талмуда" изречение: "если кто грешит с мыслью: потом покаюсь, - то нет тому покаяния, и грех его не отпускается в День Судный". Едва ли, зная эту подробность "Талмуда", автор письма тоже говорит о "лёгком покаянии" - как орудии постоянного и страшного развращения народа...

Многоуважаемый В.В.!

Посылаю Вам книгу. Автор ея лишил себя жизни. Это, кажется мне, единственное его произведение напечатанное. Решает он вопросы /метафизики/ половой любви и психологии женщины умом, а Вы - сердцем. Кто из вас прав - судить не берусь, но с Вами лучше - теплее. Писали мне в прошлом году: "маленький еврей /Кишинев!/. Бросьте! Знаю многих антисемитов, переменивших свои взгляды после Кишинева. Правда в жизни если торжествует - то на кресте, только в мелодраме /она?/ конкарирует. Вот Вас так мне жаль! Слишком много пишете, терпите аромат свежести, часто трудно понять чего хотите. Если бы в учении Христа было меньше неясностей, сколько горя и боли...

Учение Христа - Кишинев - о. Иоанн. У меня в имени /я из жидов-хлебощев/ стеклянный завод. Работает человек триста. Завод час тому назад сторел. Люди без хлеба, мне убытка тысяч сорок. Как думаете, кто поджег, - жид? Вся-то жизнь грех на душе носить, кому мило? Айд к ксендзу не пойдёт; греха ему /ксендз/ не "отпустит"? Так и забьёт: не грамотный. Подлогов нет и то хорошо. Бог нужен! Вы его понимаете, я знаю; пишите и нам о нем яснее.

Ваш Г. Бернштейн.

Имение Воля-Окжайская, 1902 г.

Добавим к этой маленькой жалобе фундаментальную статистику, над которой задумается и христианин: "По отчету официальных [название германского органа], в Германии за 1886 год на 10 000 человек каждого исповедования, было преступников:

из лютеран	62,7
" католиков	35,8
" евреев	1,2 /sic!! /

Мудрому - достаточно.

1905 г.

В. Розанов. Около церковных стен. С.-Петербург. Типография Ф. Вайсберга и П. Гершунина. 1906 г.

МИНЦЛОВ

Странное...

О влиянии имени на судьбу человека/

Странное...

Есть много на свете,
друг Горацио...

Разум человека - это слепой, ошаривающий встреченное препятствие и лишь тогда постигающий неведомое, когда все подробности его им ошупаны.

К числу туманных загадок, на которые натывается разум, относится влияние на нравственный облик и судьбу человека его имени.

Что такое влияние существует, сомневаться не приходится. Почему существует - на этот вопрос ответа, вероятно, никогда не будет.

Прежде всего я хочу, чтобы меня правильно поняли: цель этой заметки отнюдь не опровержение каких-либо законов наследственности и т.п.; ещё менее я желаю видеть единственную причину всех бед и несчастий человека в его имени.

Я собираюсь лишь указать на ряд фактов, не могущих быть объясненными излюбленным у нас словечком "случайность", и которые подтверждают, что каждое имя пробуждает в человеке наиболее свойственные этому имени черты и таким образом получается предел - "его не преидеши".

Всякому, конечно, доводилось слышать фразу: "такое-то имя счастливое или несчастное в той или иной семье..."

Если оглядимся и припомним судьбу не только нас окружающих живых, но и лиц, ставших достоянием истории, роль имени в жизни человека обрисовывается нагляднее.

Буду говорить исключительно о России и, чтобы не увеличивать размеры заметки коснусь в ней лишь круга писателей, композиторов, актеров и выдающихся военных, не затрагивая последнего времени.

Поименная таблица их получится следующая

I. Николай:

Новиков, Карамзин, Хмельницкий, Гнедич, Гоголь, Тургенев/Ник.Ив./, Некрасов, Лесков, Костомаров, Чернышевский, Добролюбов, Вагнер, Златовратский, Успенский, Каразин, Михайловский, Лейкин, Поздняков, Страхов, Полевой, Языков, Надеждин, Станкевич, Греч, Помяловский, Курочкин, Шильдер, Римский-Корсаков, Соловьёв/драма-

+Странное... Петроград, типография Л.Я. Танзбурга, напечатано 100 экземпляров, 1914г.

Минцлов, Сергей Рудольфович - историк-библиограф и археолог, владелец одной из замечательнейших библиотек. Род. в 1870г., окончил александровское военное училище и археологический институт. Ряд лет посвятил на объезд России с целью собрания книг, предметов старины и для археологических исследований и раскопок. Отдельно изданные труды: "Обзор записок, дневников и прч., относящихся к истории России и напечатанных на русском языке/Новгород, 1911-12/", "Книжки приуралья"/Уфа, 1910/, "Редчайшие книги, напечатанные в России на русском языке", "Книгохранилище С.Р. Минцлова"/С.-ПЕ, 1913/, "Опись книгохранилища С.Р. Минцлова"/С.-ПЕ, 1905/, "Клад"/повесть, 1912/, "На заре века"/историч. роман, М, 1915/и мн. другое.

Энциклопедия Брокгауза и
Ефрона.

тург/, Рубинштейн, Сазонов, Рыбаков, Милославский, Ге, Ярошенко;

2. Александр:

Сумароков, Беницкий, Измайлов, Пушкин, Грибоедов, Островский, Дружинин, маринский, Полежаев, Круглов, Скабичевский, Шеллер, Тургенев/Ал.Ив./, Бильтман, Левитов, Сумбатов-Екин, Бртель, Шаховской, Суворов, Серов, Даргомыжский, Бородин, Гильский, Мартынов, Орловский, Иванов, Борисов;

3. Иван:

Тимотрий, Демин, Крылов, Голиков, Долгоруков, Танга-ров, Тургенев, Козлов, Киреевский, Аксаков, Никитин, Падеев, Мятлев, Дажечников, Шеглов, Потапенко, Сосницкий, Горбунов, Самарин, Шишкин;

4. Василий:

Нарежный, Майков, Гуоан, Кашнист, Ушаков/белстр., р1789-1838/, Овсеенко, Авенариус, Величко, Немирович-Данченко, Курочкин, Самойлов, Каратыгин, Андреев-Бурлак, Ливокни, Далматов, Верещагин, Суриков, Перов;

5. Константин:

Батюшков, Масальский, Аксаков, Станкович, Случевской, Фофанов, К.Р., Головин-Орковский, Скальковский, Бальмонт, Варламов, Флавицкий, Маковский, Трутовский, Савицкий;

6. Михаил:

Херасков, Ломоносов, Милонов, Лермонтов, Салтыков, Загоскин, Погодин, Глинка, Альбов, Скобелев, Чернявский, Ипполитов-Иванов, Пепкин, Нестеров;

7. Алексей:

Мерзляков, Кольцов, Плещеев, Жемчужников, Потехин, Луговой, Хомяков, Писемский, Толстой, Максимов, Пешков/Горький/, Егоров, Венецианов;

8. Владимир:

Панаев, Бенедиктов, Соллогуб, Короленко, Немирович-Данченко, Жемчужников, Соловьёв, Даль, Стасов, Лавилов, Боровиковский, Маковский, Орловский;

9. Дмитрий:

Фонвизин, Григорович, Венецианов, Ахшарулов, Голицын-Муравин, Аержиев, Мамин-Сибиряк, Стахеев, Минин, Ленский, Левицкий;

10. Пётр:

Вяземский, Плетнёв, Вейнберг, Боборыкин, Быков, Гнедич, Засодимский, Румянцев-Задунайский, Каратыгин, Чайковский;

11. Фёдор:

Достоевский, Тютчев, Решетников, Глинка, Шаляпин, Кожешкин/драмат. арт./, Толстой;

12. Павел:

Мочалов, Васильев, Катенин, Свободин, Фелетов;

13. Виктор:

Клюшников, Крылов, Буренин, Васнецов;

14. Сергей:

Аксаков, Максимов, Соловьёв, Васильев;

15. Григорий:

Данилевский, Мачтет, Минин;

16. Модест:

Чайковский, Мусоргский, Писарев;

17. Всеволод:
Гаршин, Крестовский, Соловьёв;
18. Аполлон:
Майков, Григорьев, Коринфский;
19. Ирий:
Нелединский-Илещкий, Самарин;
20. Евгений:
Саллас, Гребёнка.
21. Лев:
Толстой, Мей.

Как видно из неё, на первом месте по количеству выдающихся лиц стоит Николай, на втором - Александр и т.д.

Лица, носящие имена, встречающиеся по одному разу много опущены совершенно.

Если посмотрим на эту таблицу и сосчитаем в графах имена великих людей, окажется, что на первое место передвинется имя Александр, повторившееся 5 раз, второе займут Иван и Михаил, на третьем окажутся Николай, Фёдор и Лев, выпавшие по одному разу.

Несомненно на Руси более чем Александр распространены имена Ивана, Николая, Дмитрия и др.; тем не менее среди великих людей и привилегия на "великость" как бы дана природой носителям этого имени.

Любопытен другой факт: Сергеи, не выдвинувшие из своей среды ни одного великого человека, часто, чаще чем все другие являются в роли отцов великих людей; укажу на Пушкина, Грибоедова, Тургенева, Даргомыжского.

Количество мужских имён в святцах - 793 и если 3/4 их считать совершенно не употребляющимися то нельзя не обратить внимание на целый ряд остальных, весьма часто встречающихся в жизни имён - Андрея, Бориса, Евграфа, Якова, Степана, Платона, Ипполита, Кузьмы, Никиты, Леонида, Максима, Марка, Романа, Матвея и т.д., которые упорно стоят в тени у судьбы и редкие из которых дали всего по одному сколько-нибудь примечательному лицу. Имя не только как бы предре-

кает человеку выдающееся или теневое положение в жизни, оно заранее, до некоторой степени, очерчивает и его характер.

Александры почти сплошь весельчаки, то, что мы зовём - душа человек и бесшабашными головами.

Петры в огромном большинстве люди с тяжёлым характером, кряжи, тиходумы и упрямы, ещё тяжелее их Степаны - не любящих препятствий их нраву; Владимир и Михаилы просты, добродушны и бесхарактерны, но первые настойчивей и упрямее; бесхарактерны, но двойственны, себе на уме и расчётливы большинство Алексеев; вралей больше всего между Дмитриями, Николаями и Василиями; Дмитрии слегка фанфароны; Константины резче, язвительнее и неприятнее других по характеру; Иваны и Глебы женственны.

Между Петрами совершенно отсутствуют выдающиеся художники и крупные литераторы; хотя они лишены совершенно; Павлы бесталанны и выдвигаются только как актёры; среди них нет ни писателей ни композиторов.

Бечно идушие, чуткие души у Фёдоров; Викторы

завистливы и в большей или меньшей степени неприятны и т.д.

Властно кладя на человека тот или иной отпечаток, имя тяготеет и над его судьбой.

Кто знает счастливого Бориса?

Имя это - символ несчастий, тяжёлой жизни и, зачастую, сумасшествия, только два Бориса отмечены нам историей и судьба обоих подтверждает сказанное: один из них князь, зарезанный Святополком; другой Годунов, несмотря на замечательный ум свой - несчастнейший из царей русских

Мягкость, душевные надрывы и недобрую судьбу несёт имя Глоба. Мрачны и суровы дни Павлов, тоже, зачастую, надломом кончающих жизнь свою. Значительный процент сумасшествий падает на это имя и на Константины.

Влияние имени замечается и на неодушевлённые предметы.

Недавно погибший крейсер "Паллада" носил имя уже отмеченное несчастиями; в Добровольном флоте прёспокойно плавают по океанам множество пароходов всяких наименований и только носящие имя Костромы гибнут один за другим. На моей памяти крушений Костромы было три.

— Всё вышесказанное - область странного.

Делать какие бы то ни было выводы и воздерживайтесь. Но... имеющий уши слышать - да услышит!

С.Р. Минцлов

ФРАНЦ КАФКА ПРОХОДЯЩИЕ МИМО

Если ты гуляешь ночью по улице и навстречу бежит человек, задний уже издали - ведь улица идёт в гору и на небе полная луна, - ты не удержишь его, даже если он тупеющий оборванец, даже если кто-то гонится за ним и кричит; нет, пусть бежит, куда бежал.

Ведь сейчас ночь, и ты ни при чём, что светит луна, а улица идёт в гору, а потом, может быть, они для собственного удовольствия гонятся друг за другом, может быть, они преследуют третьего, может быть, первый ни в чём не виноват и его преследуют понапрасну, может быть, второй хочет убить его и ты будешь соучастником убийства, может быть, они ничего не знают друг о друге и каждый сам по себе спешит домой, может быть, это лунатики, может быть, первый вооружён.

Да, наконец, разве не может быть, что ты устал, что ты выпил излишне много вина? И ты рад, что уже второй скрылся из виду.

УГОЛОК ДИССЕРТАНТА

СИТУАЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ В СССР С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГАРМОНИИ МЕЖДУ ПОВЕЛЕНИЯМИ МОРАЛЬНЫМИ "Я" И ПОДЧИНЯЮЩИМИСЯ ЭМПИРИЧЕСКИМ "А".

/Издательство "Высший сексуализм"/
Оглавление.

Предисловие.

Часть I.

Часть II - /неоконченная/.

Заключение.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящий труд не является полным /и не претендует на это/ описанием грандиозных событий, потрясших нашу страну в результате сексуальной революции. В данной работе автор придерживается точки зрения, с помощью которой единственно верной явля-

отся конкретная и гарантированная несомнимости сексуальной революции в нашей стране, в противном случае революционные заявления буржуазных сексологов, историки, фальсифицируя историю, пытаются объяснить произошедшее взрывом неких секс-бомб/ и только этим/; якобы заложённых в Советском Союзе западными секс-службами еще во времена культа гласности Горбачева

Скончателные оценки последствий этого величайшего события в развитии цивилизации, несомненно, имеют всемирно-историческое значение, ученые смогут дать только через 50-100 лет, когда схлынет первая демографическая волна, и сквозь толпу свидетелей о рождении можно будет различить первые рекламные листки противозачаточных средств. А пока нам остается только и анализировать психологические мотивы ежесекундно происходящего; а автор, в частности, пытается проследить взаимодействие нравственно-психологических образований в психике человека, определяющих морально-сексуальную сторону жизни общества в свете недавно состоявшегося объединительного пленума ЦСН и КПСС /вышедшей из подполья в прошлом году/.

Часть I. Краткий исторический очерк.

Изучив множество исторических трудов, автор с удивлением обнаружил, что столица нового сексуально-социалистического государства - г. Минск - никогда не был не только крупным, но даже просто большим городом. Вот основные вехи истории нашего города.

С первой четверти XIV столетия Минск находится в составе Великого княжества Литовского. Магдесурское право он получил только в конце XV века.

После Октября 1917 года Минск - столица созданной в то время СССР /ныне входит в СССР на правах округа как СССР/. Можно было бы догадаться, что прежнее название города - Минск - происходит от уже в то время имевшего место сносного /хотя и ограниченного/ консервативными правителями /хотя и осужденными половыми партнерами, а также, что эмиграция СССР, прокатившаяся черным ватом по Минску в начале 30-х годов XX столетия, на время приостановила развитие прогрессивных сексуальных отношений, но это читатель сможет найти в любой популярной брошюре, которых сейчас выпущено великое множество. Автор же преследует /в числе прочих/ более тонкую мысль: показать закономерность объединения всех здоровых сексуальных сил в период их бурного расцвета именно вокруг Минска.

Вопрос, без сомнения, сложен и многогранен, и в кратком очерке не представляется возможным глубокое его исследование. Однако, замечу, что Минск находится в наиболее выгодных сексуально-географических условиях, по сравнению с другими городами страны - он расположен не очень на западе Европейской части СССР, но и не очень на востоке, не очень севернее, но и не очень южнее, здесь не тепло ни холодно, короче, мы имеем в Минске так называемую золотую середину /не сложно показать, что не только сексуально-географическую, но и сексуально-национальную, сексуально-социальную, морально-нравственную, наконец/. Но решающим фактором того, что Минск стал столицей нового государства, представляется та удивительно благодатная и мягкая, свободная от всяких узд и шор сексуальная атмосфера, всегда царившая в Минске, царившая даже во времена всеобщих жесточайших сексуальных репрессий!

Переходя к характеристике тенденций, имевших место в предреволюционный период, хочу отметить тот символический факт, что I съезд СДСП /ныне СДСП/ прошёл именно в Минске.

Кризисная ситуация, сложившаяся в середине 60-х XX столетия, не могла быть преодолена одними лишь политическими и экономическими методами - истина простая и не требующая доказательств. К сожалению, в то время люди еще находились под железным колпаком мещанских предрассудков, которые и являлись наиболее серьезными препятствиями для победы нового мышления. Сам термин "новое мышление" был понят искаженно. Извращенное сознание переводило чисто сексуальное значение этого термина в плоскость более привычных им сфер деятельности - в экономику и политику. В этих тяжелейших условиях у нас в стране и

ва русоком /или числа эмигрантов по сексуальным типам/ начали обрешиваться впервые сексуально-демографически группы и группы /или более крупные сексуальные группы под названием "Освобождение секса"/. В это время секс из спорта и искусства превратился в орудие социальных преобразований. Движение за освобождение секса ширилось и нарастало, возникли первые образчики нового общества. /В скромных замках, что впервые вековая мечта первых коммунаров в коммунах, как об общих спальнях, где одежде интимизируется тракторами, была воплощена именно в Минске./ Конечно, это были наивные, незрелые попытки приблизиться к идеалу, но заслуга этих групп в том, что они первыми перешли от слов к делу.

Газетным неосмысли и упущения первых участников движения за освобождение секса.

Так как автору, основным недостатком системы взглядов сексуально-демографов было то, что они неправильно оценивали роль женщины в структуре сексуально-классовых отношений. Они видели в женщине существо, все устремления которого направлены на приобретение материальных благ да на усложненную карьеру. Таким образом, сексуально-демографы полагали, что в лице женщины они имеют фундамент существующей тогда системы, и что женщину только и волнует, как удержать за собой право быть этим фундаментом, забывая о том, что женщина есть существо изначально сексуальное, и именно сексуальные мотивы определяют их экономическую и политическую деятельность /что вообщем-то и привело к кризисной ситуации/.

Это искаженное восприятие роли женщины наложило отпечаток на все программные документы сексуально-демографов /кстати, независимо от национальной принадлежности той или иной группы/.

Необходимость единой программы привела к тому, что в Минске состоялся I съезд СДСП. К сожалению, документов первого съезда не сохранилось, т.к. все участники съезда попросту пропали по идеологическому соображению в распространении переносных заболеваний.

Но, несмотря на преследования, был разработан план создания революционной ситуации, причем местом проведения сексуальной революции был избран Советский Союз, как самое слабое звено в системе сексуально-развитых стран, который стал таковым вследствие продолжительного правления партии моралистов-пуританов, поддерживаемой различными консервативного толка союзами и объединениями.

Все остальное хорошо известно и достаточно подробно изложено в различных учебниках и пособиях. Взорвавшись в кабинете Дома правительства секс-бомбы, изобретенные и изготовленные отечественными специалистами /а не буржуазными, как утверждает фальсификаторы/, создали революционную ситуацию и в атмосфере всеобщего ликования и энтузиазма партия сексуальной революции вышла из подполья, где она находилась из-за систематических гонений, и возглавила массовое освобождение секса.

Теперь, в период сексуальной перестройки, мы можем задать вопрос: а была ли готова страна к полной свободе? Ведь не хватало противозачаточных химических препаратов, различных устройств, приспособлений, не было элементарной культуры секса. И, если мы хотим оставаться верными идее великого освобожденного секса, мы должны сказать - другого пути не было. Более того, именно в отсталости Союза и заключалась его сладость как звена системы, именно поэтому сексуальная революция окончилась победой нашей гениальной и неисчерпаемой на гениальность, горячо любимой и любящей сексуалистической партии.

Часть II. Исторический очерк. Проследя от истоков сексуальной революции и ее развитие до наших дней, автор считает своим долгом сказать, что...

Заключение.

Прогавясь с читателем, я хочу посоветовать ему не ограничиваться данным трудом и, если он чувствует необходимость расширения своего сексуально-морального, философского и исторического кругозора, обратиться к другим, хотя бы и менее известным авторам.

См., например, "Краткий курс истории СДСП". В частности, к Станиславу Лему и его рецензент-антиутопии "Сексотворение", где он описывает перспективу петиры завоеваний сексуальной революции, к чему стремятся некоторые западные государства во главе с американским морализмом-пуританизмом. Алесь Итушка, поэт./1988/

+ СССР - Союз Советских Социалистических Республик
+ ССР - Сексуально-Социалистическая партия.
+++ КПСС - Коммунистическая партия Советского Союза
++++ ГССР - Белорусская Советская Социалистическая республика
++++ СДСП - сексуально-демографическая партия /ныне ССР/.

